

Не успев порадоваться, управляющий Лу снова помрачнел:

— Но, молодой хозяин, это сработает лишь на год. К следующему году Елюй Цзю непременно почувет неладное.

Тан Шэнь спросил в ответ:

— Разве за целый год Терем Сися так и не встанет крепко на ноги в Шэнцзине?

Управляющий Лу растерялся:

— А, так вы имеете в виду...

Тан Шэнь протяжно произнес:

— За год зачем нам продолжать полагаться на чужие пути доставки и зависеть от других? Разве не пора обзавестись собственным каналом поставок?

— Вы совершенно правы!

На следующий день управляющий Лу встретился с Елюй Цзю и передал ему слова Тан Шэня.

Елюй Цзю поразмыслил и не нашел в этом ничего дурного, однако выставил один палец:

— Но с сегодняшнего дня цена будет вот такой.

Тан Шэнь нахмурился, а управляющий Лу мысленно прикинул потребность Терема Сися в управе Гусу в баранине зимой и летом. Выгода все равно оставалась! Он притворно рассердился, а затем с обреченным видом произнес:

— Хорошо, по рукам.

На обратном пути в Шэнцзин управляющий Лу сводил счета, а Яо Сань все еще кипел от злости, вспоминая высокомерный вид Елюй Цзю.

Управляющий Лу сказал:

— Мы же обвели его вокруг пальца и остались в выигрыше, чего ты злишься? Считай это платой за его грубость.

Затем он повернулся к Тан Шэню:

— Молодой хозяин, я все подсчитал. Если исходить из сезонных потребностей Терема Сися в Гусу, в этот раз мы сэкономили никак не меньше трех тысяч ланов серебра!

Тан Шэнь ответил:

— Куда больше.

— Что?

— Я уверен, что жители Шэнцзина полюбят Посягун, особенно Посягун с бараниной, гораздо сильнее, чем жители Гусу.

Управляющий Лу просиял, но все же заметил:

— Молодой хозяин, по дороге я приглядывался к вам — вы словно совсем не рады.

Неужели они не получили выгоду?

Тан Шэнь посмотрел на него, затем приоткрыл занавеску кареты и устремил взор вдаль. Там, на самом краю горизонта, смутно виднелась бескрайняя зеленая степь.

— Люди Ляо все-таки представляют скрытую угрозу.

Торговля требует честности и равенства. Они вели дела с Елюй Цзю, и тот получал свою прибыль, но все равно всячески чинил препятствия. Он не боялся, что Тан Шэнь передумает, ведь во всем городке Лохэ только он мог повернуть эту сделку. Но за его наглым поведением скрывалось нечто большее — мирный договор между Сун и Ляо, подписанный семнадцать лет назад, который дался сунцам ценой тяжелой, кровопролитной победы!

Семнадцать лет назад обе стороны прекратили войну и подписали договор, казавшийся равноправным. Однако Великой Сун победа далась нелегко — потери среди воинов были огромными.

Если уж простой богатый купец Государства Ляо, даже не принадлежащий к знати, так относится к сунцам, то можно лишь догадываться, как к ним относятся правитель и сановники при дворе Ляо.

Династия Сун в этом мире жила несколько лучше той, о которой знал Тан Шэнь из своей прошлой жизни, но лишь ненамного.

Благородный муж не встанет под аварийной стеной.

По сравнению с Ляо, Сун еще меньше желала развязывать войну.

Тан Шэнь вздохнул: все это пока было слишком далеко от него.

На следующий день после возвращения в Шэнцзин настала очередь Тан Шэня и Яо Шаня нести службу.

После утренней аудиенции во Дворце Цычэнь император прибыл во Дворец Чуйгун для ведения государственных дел. Яо Шань и Тан Шэнь сидели по обе стороны от него. В полдень Тан Шэня сменил другой летописец, а к вечеру он вернулся и тихо проскользнул во Дворец Чуйгун. Подняв глаза, он заметил знакомый силуэт, стоящий посреди зала.

Тан Шэнь на мгновение замер, затем с опущенной головой прошел к своему месту, сел и, обмакнув кисть, принялся писать.

Чжао Фу просматривал доклады. На его лице не отражалось ни печали, ни радости, лишь на тонких губах застыла холодная усмешка. Он глубоко вздохнул, и стоявший рядом евнух Цзи сразу все понял: шагнул вперед, принял доклады и подал чашку женьшеневого чая.

Едва пальцы коснулись чаши, как лицо Чжао Фу резко изменилось, и он одним ударом смахнул чай на пол.

Раздался звонкий треск разбитого фарфора.

Испуганный Цзи Фу пал на колени. Тан Шэнь и Яо Шань поспешно встали и склонились перед государем. Даже Ван Чжэнь, стоявший посреди зала, слегка опустил голову в почтительном

поклоне. Чжао Фу сидел на троне, слегка потряхивая рукой, и в гневе цедил:

— Почему чай такой горячий?!

Цзи Фу опешил, его глаза забежали:

— Ничтожный раб виноват, ничтожный раб виноват!

Чжао Фу произнес:

— Ты даже с такой малостью не можешь совладать. Ступай сегодня к себе и хорошенько подумай над своим поведением. Цзыфэн, как, по-твоему, следует наказать этого негодника?

Цзыфэн?

Тан Шэнь удивился тому, насколько доверительно Чжао Фу обращался к Ван Чжэню.

В этот момент раздался изысканный и спокойный голос Ван Чжэня:

— Если чай горяч, надобно понять, насколько он обжигает, еще до того, как он коснется рук, и остудить его. Его Величество в последние дни неважно себя чувствует, и евнух Цзи, должно быть, так сильно тревожился о здоровье Вашего Величества, что из-за этого проявил оплошность.

— «Если чай горяч, надобно его остудить», — усмехнулся Чжао Фу. — Но если он слишком горячий, откуда у Меня возьмется терпение? Не проще ли вылить его без остатка?

Ван Чжэнь с мягкой улыбкой ответил:

— Слова Вашего Величества совершенно справедливы.

Вскоре Ван Чжэнь покинул Дворец Чуйгун, а Тан Шэнь и Яо Шань остались в зале, занося в летописи недавнюю беседу между Чжао Фу и Ван Цзыфэном.

Вечером, когда император удалился во внутренние покои, они вместе покинули дворец.

Яо Шань вздохнул:

— А был ли тот чай и вправду горячим?

Тан Шэнь взглянул на него и ответил:

— Раз Его Величество сказал, что горячий, значит, так оно и есть.

Яо Шань с пониманием кивнул:

— Да, действительно горячий.

Выйдя за ворота дворца, они попрощались и разошлись.

Вернувшись домой, Тан Шэнь задумчиво смотрел на пиалу чая, которую ему заварил Фэнби.

Кто такой Цзи Фу? Он с малых лет прислуживал Чжао Фу и следовал за ним более пятидесяти лет. Он прекрасно понимал помыслы государя. Мог ли он по ошибке подать Чжао Фу обжигающий чай?

Каждое слово, сказанное сегодня Чжао Фу и Ван Цзыфэном, таило в себе глубокий скрытый смысл!

«Вы никогда не читали «Записи о жизни и деяниях» и тем более не пытались их изменить. Потому что вам это попросту не нужно. Если вы действительно задумали что-то сделать, то не позволяйте никому лишнему узнать об этом. В этом и кроется суть истинного правителя... Но дикие гуси пролетают, оставляя следы, и любое деяние неизбежно оставляет зацепки».

Тан Шэнь тут же достал из тайника стопку книг и принялся пролистывать их.

На этот раз он сосредоточился исключительно на записях аудиенций Чжао Фу с Су Вэньюнем, скрупулезно изучая детали, на которые раньше не обращал внимания.

Возможно, другие и не могли проникнуть в помыслы государя и понять намерения Чжао Фу. Но Ван Чжэнь мог, и точно так же на это был способен пользующийся доверием Су Вэньюнь.

Следующий день у Тан Шэня был нерабочим. Он читал всю ночь напролет, и свеча в его комнате так и не погасла.

На следующий день он полностью перепоручил дела шэнцзинского филиала Терема Сися управляющему Лу, а сам отправился в Резиденцию министра.

Вечером Ван Чжэнь вернулся со службы и встретил Тан Шэня. Оглядев его пустые руки, он с улыбкой спросил:

— Младший брат сегодня пришел ко мне без гостинцев?

Всякий раз, навещая Резиденцию министра, Тан Шэнь приносил с собой какие-нибудь подарки.

Услышав это замечание, Тан Шэнь на мгновение растерялся. Сегодня он и впрямь не подумал ничего захватить с собой.

Ван Чжэнь с улыбкой кивнул:

— Раз пришел не ради подношений, значит, искренне соскучился по мне.

Тан Шэнь промолчал.

— У тебя ко мне какое-то дело? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь уже собирался ответить, как вдруг вспомнил слова Ван Чжэня: «Я твой старший брат». Невольно его привычная настороженность немного рассеялась, и в его голосе прозвучали нотки непринужденности и близости, которых он сам не заметил:

— Почему это каждый раз, когда я прихожу к старшему брату, я непременно должен либо нести подарки, либо просить о помощи?

Глядя на него, Ван Чжэнь на секунду замер, а затем с улыбкой спросил:

— Тогда зачем же ты пришел?

Тан Шэнь дважды кашлянул и произнес:

— У твоего младшего брата есть скромное дело в управе Гусу... Кхм, старший брат Цзыфэн ведь

знает об этом?

В нынешней династии чиновникам не запрещалось заниматься торговлей. Ван Чжэнь, разумеется, знал о мыловаренном деле Тан Шэня и о благовониях Хуанцзиньлюй. Даже ту строчку в управе Цзиньлин — «Дым ластится к холодной воде, луна ластится к песку» — написал собственной рукой именно он.

— Знаю. И что с того?

Тан Шэнь пояснил:

— Через несколько дней я открою в Шэнцзине ресторан, где будут подавать исключительно Посягун. Он называется Терем Сися.

Ван Чжэнь приподнял бровь:

— И там будут готовить только Посягун?

— Да, только Посягун.

— А какими иероглифами пишутся «Си» и «Ся»?

— «Си» — как «тонкий», а «Ся» — как «румяные облака», из строки: «Пусть нежные девы в лунном чертоге тонкими руками подносят чаши с румяным вином, искрящимся золотом». Старший брат Цзыфэн не бывал в управе Гусу, да и в Цзиньлине нет Терема Сися. Поэтому через несколько дней я бы хотел пригласить тебя и учителя туда, чтобы мы отведали это блюдо вместе. Полакомиться Посягуном в зимний день — истинное наслаждение, достойное небожителей!

Четвертый день последнего зимнего месяца двадцать седьмого года под девизом правления Кайпин.

По обеим сторонам улицы Чжэньянмэнь пестрели всевозможные лавки и лабазы. Если пройти по ней на запада, туда, где вдали уже смутно проступали очертания Великого канала, можно было увидеть величественный четырехэтажный силуэт Терема Цяньли — лучшего питейного заведения Шэнцзина. А в полули к северу от него высилось двухэтажное здание.

Прежде этот трактир именовался Теремом Чжаохуэй, что переводилось как «Утренний свет» — в честь строки древних «Утренний свет сменяется вечерним сумраком, являя тысячи ликов природы». Увы, судьба заведения в точности повторила его название: утренний свет быстро угас. Еще лет десять назад Терем Чжаохуэй пользовался известностью в Шэнцзине, но ныне совсем пришел в упадок.

<http://bllate.org/book/18292/1754535>